

УДК 347.9:004.8

ВЛИЯНИЕ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВОСУДИЯ (ИИ И АВТОМАТИЗАЦИИ) НА ПРЕДСКАЗУЕМОСТЬ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ И ПРАВОВУЮ ОПРЕДЕЛЕННОСТЬ

Соколов Константин Александрович,

помощник судьи Арбитражного суда Сахалинской области; Дальневосточный филиал
Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего
образования «Российский государственный университет правосудия имени В.М.
Лебедева», Хабаровск, Россия
680014, Россия, Хабаровский край, г. Хабаровск, Восточное шоссе, 49; E-mail:
Sokolov_k@mail.ru

Аннотация

Исследуется влияние автоматизации и искусственного интеллекта на предсказуемость судебных решений и правовую определенность. Разграничены юридическая и статистическая предсказуемость: высокая точность прогноза по массиву прошлых дел сама по себе не доказывает правовую определенность результата. Используются формально-юридический, сравнительно-правовой, системный и функциональный методы. Научная новизна состоит в двухкомпонентном тесте правовой определенности и четырехуровневой модели допустимости судебного ИИ. Обосновано, что техническая автоматизация и проверяемая поисково-аналитическая поддержка способны снижать случайную вариативность, тогда как непрозрачная рекомендация по существу спора создает риски закрепления прежних ошибок, эффекта якорения и неформального «алгоритмического прецедента». Предложены требования к журналированию, проверке первичных источников, человеческому контролю и информированию участников процесса. Результаты могут использоваться при разработке правил применения ИИ в государственных судебных информационных системах.

Ключевые слова: электронное правосудие, искусственный интеллект, автоматизация судопроизводства, предиктивное правосудие, правовая определенность, судебное решение, судебное усмотрение, объяснимость алгоритма.

THE IMPACT OF ELECTRONIC JUSTICE (AI AND AUTOMATION) ON THE PREDICTABILITY OF JUDICIAL DECISIONS AND LEGAL CERTAINTY

Konstantin A. Sokolov,

Assistant to a Judge, Arbitration Court of the Sakhalin Region; Far Eastern Branch of the Federal
State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian State University of Justice
named after V.M. Lebedev", Khabarovsk, Russia
49 Vostochnoye Shosse, Khabarovsk, Khabarovsk Krai, 680014, Russia; E-mail:
Sokolov_k@mail.ru

ABSTRACT

The influence of automation and artificial intelligence on the predictability of court decisions and legal certainty is investigated. Legal and statistical predictability are distinguished: the high accuracy of the forecast for an array of past cases does not in itself prove the legal certainty of the result. Formal-legal, comparative-legal, systemic and functional methods are used. The scientific novelty consists in a two-component test of legal certainty and a four-level model of the admissibility of judicial AI. It is proved that technical automation and verifiable search and analytical support can reduce random variability, while an opaque recommendation on the merits of a dispute creates risks of perpetuation of previous errors, anchoring effect and informal "algorithmic precedent". The requirements for logging, verification of primary sources, human control and informing the participants in the process are proposed. The results can be used in the development of rules for the use of AI in state judicial information systems.

Keywords: electronic justice, artificial intelligence, judicial automation, predictive justice, legal certainty, judicial decision, judicial discretion, algorithmic explainability.

Введение

Масштаб цифровизации правосудия уже не позволяет рассматривать применение алгоритмов и искусственного интеллекта как исключительно перспективное направление. По данным Верховного Суда Российской Федерации, в 2025 г. судами было рассмотрено свыше 34 млн дел, при этом в федеральные суды общей юрисдикции поступило более 12,5 млн обращений в электронной форме, а в федеральные арбитражные суды – свыше 17,5 млн, то есть суммарно более 30 млн электронных обращений [1]. Одновременно суды направили через систему межведомственного электронного взаимодействия более 24 млн электронных запросов в государственные органы и ведомства [2]. Алгоритмы уверенно анализируют судебную практику и даже стараются прогнозировать исходы дел. Доля отменённых или изменённых актов сравнительно небольшая не превышает 5% [1]. Однако возникает вопрос: действительно ли такая аналитика способствует большей определённости в правовой системе, или она просто воспроизводит старые расхождения и ставит под сомнение саму идею прогнозирования?

К 2025 году в центре СЕРЕJ уже зарегистрировали 125 цифровых систем и инструментов для правосудия. Полностью автономных систем, которые самостоятельно ведут судебную деятельность, на практике не обнаружено [3]. Это неудивительно вопрос давно заключается не в том, стоит ли доверять ИИ в судах, а насколько глубоко ему позволять проникать в процесс принятия решений [5, с. 45-47]. Технологии действительно ускоряют работу, уменьшают нагрузку на судей и способствуют унификации судебной практики. Однако не всё столь однозначно: вместе с достоинствами появляются проблемы решения ИИ часто непрозрачны, система может быть предвзятой, и судьи с участниками процесса рискуют чрезмерно полагаться на механический вывод, забывая о необходимости критического отношения [6, с. 7-59]. В такой обстановке гибридная модель кажется оправданной. ИИ становится инструментом поддержки, а не заменой судьи; мотивировка решения, индивидуальная оценка и человеческий контроль должны оставаться за людьми [7, с. 49-52].

Цель исследования

Объект исследования – отношения, возникающие при цифровой трансформации судебной деятельности.

Предмет исследования – пределы применения автоматизированных и интеллектуальных систем, способных влиять на содержание судебного решения.

Цель статьи – определить условия, при которых технологическая предсказуемость совместима с правовой определенностью.

Новизна исследования выражена в разграничении видов предсказуемости, двухкомпонентном тесте правовой определенности и четырехуровневой модели допустимости судебного ИИ.

Материалы и методы исследования

В исследовании использованы российские нормативные акты и официальные данные Верховного Суда РФ и CEPEJ. Также рассматриваются акты ЕС и судебные решения: *State v. Loomis*, *Mata v. Avianca*, *Harber v HMRC*.

В статье применяется формально-юридический метод для определения границ передачи судебных полномочий. Для сопоставления российского и зарубежного подходов используется сравнительно-правовой метод. Функциональный анализ позволяет разделить цифровые инструменты в зависимости от степени их влияния на судебное решение. Метод *case study* проверяет полученные выводы на конкретных примерах из судебной практики. Количественные показатели представлены как характеристики отдельных исследований или систем.

Результаты и их обсуждение

1. Предсказуемость и правовая определенность

Правовая определённость подразумевает, что нормы должны быть понятными, их применение предсказуемым, а основания судебных решений доступными для проверки [8, с. 18-21]. Прогнозируемость проявляется по-разному: через процедуру, через толкование нормы либо даже в виде статистических данных. Когда суды часто принимают схожие решения, создаётся впечатление правовой определённости, но действительно ли это её основа? Статистический подход базируется на прошлых делах и способен давать точные прогнозы, но здесь есть нюанс он может учитывать ошибочную или устаревшую практику. Ю. Разметаева отмечает: возникает риск, когда вычисленный прогноз начинают воспринимать как отдельный аргумент [9, р. 186-189]. Если однотипные решения встречаются слишком часто, кажется, что определённость есть, хотя юридических оснований при этом не становится больше.

Эмпирические исследования показывают, что статистическая предсказуемость и юридическая предсказуемость разные вещи. Например, модель N. Aletras и его коллег обработала 584 решения ЕСПЧ по статьям 3, 6 и 8 Конвенции и достигла точности 79% [10]. А исследование D. M. Katz, M. J. Bommarito II и J. Blackman, основанное на данных Верховного суда США за два века, показало точность 70,2% на более чем 28 тысячах дел и 71,9% на 240 тысячах голосов судей [11]. Алгоритмы хорошо выявляют статистические закономерности, но это не означает, что их прогнозы основаны на правовых нормах, проверенных фактах и реальной судебной практике.

Из этого следует простой вывод: оценивать судебный ИИ следует по двум основным критериям. Первый результативность: решения должны быть устойчивыми и без систематических ошибок. Второй процедурная объяснимость: важно, можно ли проверить, каким образом получен вывод, возможно ли его оспорить и сохраняет ли судья ответственность за итоговое решение. Только так ИИ сможет стать полноценным инструментом в праве, а не просто вычислительной системой.

2. Российское регулирование и предел передачи судебной функции

Статьи 118 и 120 Конституции Российской Федерации [12] и Федеральный конституционный закон № 1-ФКЗ прямо гласят: решения принимает только суд, судьи независимы [13]. Это установлено четко и незыблемо. Однако Арбитражный

процессуальный кодекс Российской Федерации [14], Федеральный закон № 220-ФЗ [15], Федеральный закон № 262-ФЗ [16] регулируют другие вопросы. В этих законах предусмотрены электронные услуги для судов, электронный документооборот и доступ к судебным материалам. Однако, делегируя алгоритму право оценивать доказательства или принимать решение по делу, законы этого не допускают.

С. А. Курочкин проводит четкую линию: искусственный интеллект - это всего лишь инструмент, помогающий процессу, но не заменяющий судью в принятии решений [17, с. 59-66]. А. В. Незнамов считает, что «дополненное» правосудие возможно и цифровая поддержка судей необходима, но технологии не могут их заменить [18, с. 98-102]. Это не просто теоретические рассуждения. В деле *State v. Loomis* Верховный суд штата Висконсин разрешил использовать алгоритм COMPAS только в качестве вспомогательного инструмента, одного из нескольких факторов для оценки, не более того [19]. Суд заявил: компьютерная оценка не может определять суровость наказания, решение о тюремном заключении или выводы об опасности подсудимого. Все это зависит от судьи, а не от алгоритма.

Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 года № 490 (в редакции от 15 февраля 2024 года № 124) определяет направления развития искусственного интеллекта: защита прав и свобод человека, обеспечение безопасности, использование исключительно проверенных технологий [20-21]. В Концепции информационной политики судебной системы на 2020-2030 годы, одобренной Советом судей 5 декабря 2019 года, отмечается: никакое информационное воздействие не должно вмешиваться в процесс осуществления правосудия [22].

3. Положительный эффект автоматизации и ключевые риски

Автоматизация рутинных процессов таких как проверка реквизитов, маршрутизация документов, обезличивание актов, контроль сроков и структурирование данных на самом деле приводит к упорядочиванию хаоса: случайные ошибки встречаются реже, а судебные процессы становятся более предсказуемыми. Пример проект VICTOR Верховного федерального суда Бразилии. Система взялась за 27 самых популярных тем *repercussão geral*, что составляет почти 60% типовых обращений. На старте точность сортировки достигала 84%, и если бы обработку примерно 42 тысяч дел доверили людям, им понадобилось бы около 22 тысяч часов [23]. Дальше система стала выполнять задачи, на которые раньше уходило в среднем 44 минуты, менее чем за 5 секунд [24]. Однако важно отметить: речь идет о распознавании, классификации и маршрутизации материалов. Оценивать доказательства или выносить решения по существу такие системы пока не способны.

Речь идет не о вынесении решений по существу, а о распознавании, классификации и маршрутизации материалов. Оценивать эффективность таких систем по тем же критериям, что оценку доказательств или разрешение дел, не имеет смысла. Поисково-аналитические инструменты полезны, когда их результаты можно проверить по исходным данным. К примеру, Н. В. Архиереев отмечает, что предиктивная аналитика способствует оценке перспектив спора и снижает необоснованные процессуальные издержки [3, с. 36-37]. В то же время А. В. Незнамов указывает на очевидную проблему: стремление к единообразию противоречит творческому характеру судебного процесса [18, с. 103-105]. Наибольшие риски связаны с рекомендательными и генеративными системами: техническое объяснение работы модели не подменяет реальную юридическую мотивацию. Кроме того, предварительный прогноз может повлиять на самостоятельную оценку судьи. Эксперименты показывают: ощущение справедливости зависит от того, насколько автоматизирована каждая стадия принятия судебного решения [25, р. 132-139]. Если система обучается на базе прошлых решений, она может закрепить прежние ошибки: модель

наследует паттерны, рекомендация влияет на новые решения, и в результате цепочка ошибок фиксируется на новом уровне.

Генеративные модели представляют особую угрозу: они часто генерируют правдоподобные, но вымышленные ссылки, факты и даже позиции в праве. А. П. Клементьев и А. С. Касаткина считают такие «галлюцинации» серьезным препятствием для внедрения генеративного ИИ в судебную систему [26, с. 48-55]. Всё, что ИИ создает: факт, источник права, любой аргумент, который может повлиять на обоснование решения, необходимо сверять с первичными документами. Без этого легко ошибиться. Еще одна проблемная зона: ответственность: если внешняя система закрыта, она не должна создавать ситуацию, когда судья отвечает за решение, а возможности проверить реальное основание нет. Эта проблема имеет вполне определенные масштабы. M. Dahl, V. Magesh, M. Suzgun, D. E. Но провели исследование: модели отвечали на вопросы по реальным федеральным делам США. Юридических «галлюцинаций» оказалось много: ChatGPT 4 ошибался в 58% случаев, а Llama 2 в 88% [27].

На практике это приводит к реальным последствиям. В деле Mata против Avianca адвокаты подали в суд документ с шестью фиктивными решениями: судья быстро разобрался, и 22 июня 2023 года оштрафовал их и фирму на пять тысяч долларов [28]. В Harber против HMRC заявительница сослалась сразу на девять решений налогового трибунала, которые были несуществующими [29]. Суд выяснил всё: придумал ИИ, а сама заявительница не знала, что цитирует недостоверные материалы. Оба случая ясно демонстрируют разницу между языковой убедительностью и юридической проверкой. Любая ссылка должна подтверждаться официальным документом, а не уверенным тоном ответа модели.

4. Сравнительно-правовой ориентир

Европейский парламент и Совет в Регламенте (ЕС) 2024/1689 от 13 июня 2024 года определили, что если суд или его представители применяют искусственный интеллект для изучения фактов, толкования законодательства или вынесения решений по отдельному делу, такие системы признаются высокорисковыми [30]. Программное обеспечение, выполняющее лишь внутренние административные функции и не влияющее на рассмотрение конкретных дел, относится к другой категории. Такой подход эффективен: акцент смещен не на название технологии, а на степени ее вмешательства в процесс принятия судебных решений.

Следующий этап: Регламент (ЕС) 2026/1744 от 8 июля 2026 года. Он скорректировал сроки по части требований Акта об ИИ. Если ИИ-система считается высокорисковой согласно статье 6(2) и разделам 1-3 главы III Приложения III, новые нормы начинают распространяться на нее с 2 декабря 2027 года [31]. Эта поправка важна для понимания нынешней системы регулирования в Европе и наглядно показывает, насколько сложно реализовать строгие требования к потенциально опасным технологиям.

Европейская этическая хартия CEPEJ по применению ИИ в судебных органах (декабрь 2018 года) связывает развитие таких решений с защитой основных прав, недопустимостью дискриминации, качеством данных, прозрачностью и пользовательским контролем [32]. Для российских судов эти документы не обязательны, но подобный подход, основанный на функциональных различиях, можно и нужно учитывать при разработке собственных стандартов и правил.

5. Четырехуровневая модель допустимости судебного ИИ

Судебный искусственный интеллект можно подразделить на четыре уровня: техническая автоматизация; поисково-аналитическая поддержка, при которой выводы обязательно связаны с первоисточниками; рекомендательные системы, прогнозирующие исход или формирующие проект решения; полностью автономное урегулирование споров.

Третий уровень, пожалуй, наиболее деликатен. Здесь важно фиксировать версию модели, задачи, используемые источники и полученные результаты. Судья должен сохранять самостоятельность и контроль над процессом, человеческий фактор остается значимым [33, с. 73-75]. Четвертый уровень не соответствует российской конституционной модели судебной власти: действующее законодательство не предусматривает полного автоматизма.

Для второго и третьего уровней необходимо проверять соответствие выводов первичным источникам, вести журнал обращений, проводить независимый аудит и предоставлять возможность обжаловать влияние ИИ. При этом судья несет ответственность за установление фактических обстоятельств, оценку доказательств, выбор нормативной базы и разрешение правовых коллизий здесь вмешательство машины недопустимо.

Эмпирические данные заставляют задуматься, что участие человека -- не гарантия реального контроля. В. М. Chen, проведя два эксперимента с 7651 участником, заметил любопытную вещь. Когда человек просто подтверждает решение после рекомендации алгоритма, люди чаще воспринимают этот процесс как справедливый [34]. Однако на самом деле это часто всего лишь видимость контроля, так называемый «human-washing» когда присутствие человека только формально есть, а реальной проверки решения нет. Другой пример – исследование Н. L. Bentsen и М. Р. Johannesson с норвежцами. В их работе полностью человеческое решение набрало 3,63 балла из 5 по шкале справедливости. Если использовался объяснимый ИИ-помощник, оценка снижалась до 2,88, а с необъяснимым ИИ до 2,60. Полная автоматизация приносила всего 2,73 или даже 2,40 балла. В общем, цифры сами говорят за себя [35]. Человеческий контроль следует подкреплять самостоятельной оценкой материалов дела, фиксированием обращений к системе и возможностью пояснить, почему рекомендация была принята или отклонена.

Выводы

Рост предсказуемости судебных решений не всегда обеспечивает настоящую правовую определенность. Автоматизация и алгоритм поиска данных снижает случайные ошибки. Однако системы могут выдавать предиктивные рекомендации и нередко заменяют определенность лишь видимостью порядка, поскольку машинный интеллект просто повторяет привычные шаблоны и стандартные истории. Здесь требуется более строгий критерий. Предлагаемый двухкомпонентный тест предъявляет два требования: результат должен быть устойчивым, а способ его достижения прозрачным с юридической точки зрения и доступным для проверки. Четырехуровневая модель показывает: чем сильнее технологии влияют на судебное решение, тем больше требуется гарантий. Главная задача российского права сегодня не в регулировании мифического «электронного судьи», а в реальных механизмах, когда ИИ-помощник уже способен участвовать в юридических рассуждениях. Такое влияние можно отследить, проверить и оспорить судья сохраняет личную ответственность.

Технические цифры не дают четкой и единой границы допустимости. Даже при точности предсказания 70-79% универсальные языковые модели часто формируют ошибочные юридические выводы. Для внедрения ИИ- систем в сложные юридические задачи необходимы показатели ошибок по типам дел, четкая сверка источников, документированная проверка человеком и обязательный процессуальный механизм оспаривания машинного воздействия.

Список литературы:

1. Доклад Председателя Верховного Суда Российской Федерации на итоговом совещании за 2025 год, 19 февраля 2026 г. [Электронный ресурс] // Верховный Суд Российской Федерации. – 2026. – URL: <https://www.vsrp.ru/files/35517/> (дата обращения: 09.09.2026).

2. За прошедший год обеспечено направление судами более 24 млн электронных запросов [Электронный ресурс] // ФГБУ «Информационно-аналитический центр поддержки ГАС „Правосудие“». – 2026. – 16 апр. – URL: <https://iac.cdep.ru/за-прошедший-год-обеспечено-направле/> (дата обращения: 09.09.2026).
3. Архипереев, Н. В. Искусственный интеллект и предиктивное правосудие / Н. В. Архипереев // Арбитражный и гражданский процесс. – 2025. – № 4. – С. 35–38. – DOI: 10.18572/1812-383X-2025-4-35-38.
4. European Commission for the Efficiency of Justice (CEPEJ). 1st Report on the Use of Artificial Intelligence (AI) in the Judiciary, Based on the Information Contained in the CEPEJ's Resource Centre on Cyberjustice and AI [Electronic resource] // Council of Europe. – 2025. – URL: <https://www.coe.int/en/web/cepej/-/1st-report-on-the-use-of-artificial-intelligence-ai-in-the-judiciary-based-on-the-information-contained-in-the-cepej-s-resource-centre-on-cyberjustice-and-ai> (accessed: 09.09.2026).
5. Волков, К. А. Искусственный интеллект в российском правосудии: перспективы и риски / К. А. Волков // Российский судья. – 2025. – № 8. – С. 44–48. – DOI: 10.18572/1812-3791-2025-8-44-48.
6. Фролов, А. А. Искусственный интеллект в судебной системе: между эффективностью и справедливостью / А. А. Фролов // Российский судья. – 2026. – № 3. – С. 56–60. – DOI: 10.18572/1812-3791-2026-3-56-60.
7. Талапина, Э. В. Искусственный интеллект в правосудии / Э. В. Талапина // Российская юстиция. – 2026. – № 3. – С. 47–53. – DOI: 10.52433/01316761_2026_03_47. – EDN: DDGXLE.
8. Краснов, А. В. Правовая определенность: диалектика сочетания материального и процессуального начал / А. В. Краснов, А. А. Юсупов // Российская юстиция. – 2026. – № 5. – С. 17–22. – DOI: 10.52433/01316761_2026_05_17. – EDN: MDHUZD.
9. Razmetaeva, Y. S. Artificial Intelligence for Judicial Decision-Making: Some Potential Risks / Y. S. Razmetaeva // Problems of Legality. – 2024. – Special Issue. – P. 177–191. – DOI: 10.21564/2414-990X.166.311749.
10. Aletras, N. Predicting Judicial Decisions of the European Court of Human Rights: A Natural Language Processing Perspective / N. Aletras, D. Tsarapatsanis, D. PreoŃiuc-Pietro, V. Lampos // PeerJ Computer Science. – 2016. – Vol. 2. – e93. – DOI: 10.7717/peerj-cs.93.
11. Katz, D. M. A General Approach for Predicting the Behavior of the Supreme Court of the United States / D. M. Katz, M. J. Bommarito II, J. Blackman // PLOS ONE. – 2017. – Vol. 12, No. 4. – e0174698. – DOI: 10.1371/journal.pone.0174698.
12. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Российская газета. – 2020. – 4 июля. – № 144.
13. О судебной системе Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 1. – Ст. 1.
14. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 30. – Ст. 3012.

15. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти: Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 220-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 26, ч. I. – Ст. 3889.
16. Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации: Федеральный закон от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 52, ч. I. – Ст. 6217.
17. Курочкин, С. А. Искусственный интеллект в гражданском процессе / С. А. Курочкин // Вестник гражданского процесса. – 2024. – Т. 14, № 2. – С. 42–74. – DOI: 10.24031/2226-0781-2024-14-2-42-74.
18. Незнамов, А. В. Искусственный интеллект, единообразие судебной практики и творческий характер судебной деятельности / А. В. Незнамов // Вестник гражданского процесса. – 2024. – Т. 14, № 2. – С. 90–106. – DOI: 10.24031/2226-0781-2024-14-2-90-106. – EDN: KPVUTZ.
19. State v. Loomis, 2016 WI 68, 371 Wis. 2d 235, 881 N.W.2d 749, Supreme Court of Wisconsin, 13 July 2016 [Electronic resource]. – URL: <https://www.wicourts.gov/sc/opinion/DisplayDocument.pdf?content=pdf&seqNo=171690> (accessed: 09.09.2026).
20. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2019. – № 41. – Ст. 5700.
21. О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» и в Национальную стратегию, утвержденную этим Указом: Указ Президента Российской Федерации от 15 февраля 2024 г. № 124 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2024. – № 8. – Ст. 1102.
22. Концепция информационной политики судебной системы на 2020–2030 годы: одобрена Советом судей Российской Федерации 5 декабря 2019 г. [Электронный ресурс] // Совет судей Российской Федерации. – URL: <https://ssrf.ru/news/lienta-novostiei/35630> (дата обращения: 09.09.2026).
23. Supremo Tribunal Federal. Ministra Cármen Lúcia anuncia início de funcionamento do Projeto Victor, de inteligência artificial [Electronic resource]. – 2018. – 30 August. – URL: <https://portal.stf.jus.br/noticias/verNoticiaDetalhe.asp?idConteudo=388443&ori=1> (accessed: 09.09.2026).
24. Supremo Tribunal Federal. Presidente do Supremo apresenta ferramentas de inteligência artificial em Londres [Electronic resource]. – 2019. – 5 September. – URL: <https://portal.stf.jus.br/noticias/verNoticiaDetalhe.asp?idConteudo=422699&ori=1> (accessed: 09.09.2026).
25. Barysè, D. Algorithms in the Court: Does It Matter Which Part of the Judicial Decision-Making Is Automated? / D. Barysè, R. Sarel // Artificial Intelligence and Law. – 2024. – Vol. 32. – P. 117–146. – DOI: 10.1007/s10506-022-09343-6.

26. Клементьев, А. П. Искусственный интеллект в правосудии, арбитраже и проблема «галлюцинаций» / А. П. Клементьев, А. С. Касаткина // Вопросы права в цифровую эпоху. – 2026. – Т. 7, № 2. – С. 40–60. – DOI: 10.17323/2713-2749.2026.2.40.60.
27. Dahl, M. Large Legal Fictions: Profiling Legal Hallucinations in Large Language Models / M. Dahl, V. Magesh, M. Suzgun, D. E. Ho // Journal of Legal Analysis. – 2024. – Vol. 16, No. 1. – P. 64–93. – DOI: 10.1093/jla/laae003.
28. Mata v. Avianca, Inc., 678 F. Supp. 3d 443 (S.D.N.Y. 2023), No. 22-cv-1461 (PKC), Opinion and Order on Sanctions, 22 June 2023 [Electronic resource]. – URL: <https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/new-york/nysdce/1%3A2022cv01461/575368/54/> (accessed: 09.09.2026).
29. Harber v. Commissioners for His Majesty's Revenue and Customs [2023] UKFTT 1007 (TC), Case No. TC09010, 4 December 2023 [Electronic resource]. – URL: <https://www.bailii.org/uk/cases/UKFTT/TC/2023/TC09010.html> (accessed: 09.09.2026).
30. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 Laying Down Harmonised Rules on Artificial Intelligence and Amending Certain Union Legislative Acts (Artificial Intelligence Act) // Official Journal of the European Union. – 2024. – L 2024/1689. – 12 July 2024. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj> (accessed: 09.09.2026).
31. Regulation (EU) 2026/1744 of the European Parliament and of the Council of 8 July 2026 Amending Regulations (EU) 2024/1689, (EU) 2018/1139 and (EU) 2023/1230 as Regards the Simplification of the Implementation of Harmonised Rules on Artificial Intelligence (Digital Omnibus on AI) // Official Journal of the European Union. – 2026. – L 2026/1744. – 24 July 2026. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2026/1744/oj> (accessed: 09.09.2026).
32. European Commission for the Efficiency of Justice (CEPEJ). European Ethical Charter on the Use of Artificial Intelligence in Judicial Systems and Their Environment: adopted at the 31st plenary meeting of the CEPEJ, Strasbourg, 3–4 December 2018. – Strasbourg: Council of Europe, 2018. – URL: <https://rm.coe.int/ethical-charter-en-for-publication4-december-2018/16808f699c> (accessed: 09.09.2026).
33. Лаврентьев, А. Р. Правовые пределы использования искусственного интеллекта в административном судопроизводстве / А. Р. Лаврентьев, С. В. Фролов // Административное право и процесс. – 2026. – № 8. – С. 71–75. – DOI: 10.18572/2071-1166-2026-8-71-75.
34. Chen, B. M. Mitigating the Judicial Human–AI Fairness Gap / B. M. Chen, Y. Hermstrüwer, P. Langenbach, A. Stremitzer, K. Tobia // Journal of Legal Analysis. – 2026. – Vol. 18, No. 1. – P. 207–242. – DOI: 10.1093/jla/laag007.
35. Bentsen, H. L. Algorithmic Sentencing and Fairness Perceptions / H. L. Bentsen, M. P. Johannesson // Journal of Law & Empirical Analysis. – 2026. – OnlineFirst. – 4 September 2026. – DOI: 10.1177/2755323X261486564.

References:

1. Report of the Chairman of the Supreme Court of the Russian Federation at the Final Meeting for 2025, 19 February 2026 [Electronic resource]. Supreme Court of the Russian Federation. 2026. URL: <https://www.vsrfr.ru/files/35517/> (accessed: 09.09.2026).
2. Over 24 Million Electronic Requests Were Sent by Courts During the Past Year [Electronic resource]. Information and Analytical Center for Support of the State Automated System "Pravosudie". 2026. 16 April. URL: <https://iac.cdep.ru/за-прошедший-год-обеспечено-направле/> (accessed: 09.09.2026).
3. Arkhiereev N. V. Artificial Intelligence and Predictive Justice. *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess*. 2025. No. 4. P. 35–38. DOI: 10.18572/1812-383X-2025-4-35-38.
4. European Commission for the Efficiency of Justice (CEPEJ). 1st Report on the Use of Artificial Intelligence (AI) in the Judiciary, Based on the Information Contained in the CEPEJ's Resource Centre on Cyberjustice and AI [Electronic resource]. Council of Europe. 2025. URL: <https://www.coe.int/en/web/cepej/-/1st-report-on-the-use-of-artificial-intelligence-ai-in-the-judiciary-based-on-the-information-contained-in-the-cepej-s-resource-centre-on-cyberjustice-and-ai> (accessed: 09.09.2026).
5. Volkov K. A. Artificial Intelligence in Russian Justice: Prospects and Risks. *Rossiiskii sud'ya*. 2025. No. 8. P. 44–48. DOI: 10.18572/1812-3791-2025-8-44-48.
6. Frolov A. A. Artificial Intelligence in the Judicial System: Between Efficiency and Fairness. *Rossiiskii sud'ya*. 2026. No. 3. P. 56–60. DOI: 10.18572/1812-3791-2026-3-56-60.
7. Talapina E. V. Artificial Intelligence in Justice. *Rossiiskaya yustitsiya*. 2026. No. 3. P. 47–53. DOI: 10.52433/01316761_2026_03_47. EDN: DDGXLE.
8. Krasnov A. V., Yusupov A. A. Legal Certainty: Dialectics of the Combination of Substantive and Procedural Principles. *Rossiiskaya yustitsiya*. 2026. No. 5. P. 17–22. DOI: 10.52433/01316761_2026_05_17. EDN: MDHUZD.
9. Razmetaeva Y. S. Artificial Intelligence for Judicial Decision-Making: Some Potential Risks. *Problems of Legality*. 2024. Special Issue. P. 177–191. DOI: 10.21564/2414-990X.166.311749.
10. Aletras N., Tsarapatsanis D., PreoŃuc-Pietro D., Lamos V. Predicting Judicial Decisions of the European Court of Human Rights: A Natural Language Processing Perspective. *PeerJ Computer Science*. 2016. Vol. 2. e93. DOI: 10.7717/peerj-cs.93.
11. Katz D. M., Bommarito M. J. II, Blackman J. A General Approach for Predicting the Behavior of the Supreme Court of the United States. *PLOS ONE*. 2017. Vol. 12. No. 4. e0174698. DOI: 10.1371/journal.pone.0174698.
12. Constitution of the Russian Federation: adopted by nationwide vote on 12 December 1993, with amendments approved by nationwide vote on 1 July 2020. *Rossiyskaya Gazeta*. 2020. 4 July. No. 144.
13. Federal Constitutional Law No. 1-FKZ of 31 December 1996 "On the Judicial System of the Russian Federation". Collection of Legislation of the Russian Federation. 1997. No. 1. Art. 1.
14. Arbitration Procedure Code of the Russian Federation No. 95-FZ of 24 July 2002. Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 30. Art. 3012.
15. Federal Law No. 220-FZ of 23 June 2016 "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation Concerning the Use of Electronic Documents in the Activities of

- Judicial Authorities”. Collection of Legislation of the Russian Federation. 2016. No. 26, Part I. Art. 3889.
16. Federal Law No. 262-FZ of 22 December 2008 “On Ensuring Access to Information on the Activities of Courts in the Russian Federation”. Collection of Legislation of the Russian Federation. 2008. No. 52, Part I. Art. 6217.
17. Kurochkin S. A. Artificial Intelligence in Civil Procedure. Vestnik grazhdanskogo protsessa. 2024. Vol. 14. No. 2. P. 42–74. DOI: 10.24031/2226-0781-2024-14-2-42-74.
18. Neznamov A. V. Artificial Intelligence, Uniformity of Judicial Practice and the Creative Nature of Judicial Activity. Vestnik grazhdanskogo protsessa. 2024. Vol. 14. No. 2. P. 90–106. DOI: 10.24031/2226-0781-2024-14-2-90-106. EDN: KPVUTZ.
19. State v. Loomis, 2016 WI 68, 371 Wis. 2d 235, 881 N.W.2d 749, Supreme Court of Wisconsin, 13 July 2016 [Electronic resource]. URL: <https://www.wicourts.gov/sc/opinion/DisplayDocument.pdf?content=pdf&seqNo=171690> (accessed: 09.09.2026).
20. Decree of the President of the Russian Federation No. 490 of 10 October 2019 “On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation”. Collection of Legislation of the Russian Federation. 2019. No. 41. Art. 5700.
21. Decree of the President of the Russian Federation No. 124 of 15 February 2024 “On Amendments to Decree of the President of the Russian Federation No. 490 of 10 October 2019 ‘On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation’ and to the National Strategy Approved by That Decree”. Collection of Legislation of the Russian Federation. 2024. No. 8. Art. 1102.
22. Concept of Information Policy of the Judicial System for 2020–2030: approved by the Council of Judges of the Russian Federation on 5 December 2019 [Electronic resource]. Council of Judges of the Russian Federation. URL: <https://ssrf.ru/news/lienta-novostiei/35630> (accessed: 09.09.2026).
23. Supremo Tribunal Federal. Ministra Cármen Lúcia anuncia início de funcionamento do Projeto Victor, de inteligência artificial [Electronic resource]. 2018. 30 August. URL: <https://portal.stf.jus.br/noticias/verNoticiaDetalhe.asp?idConteudo=388443&ori=1> (accessed: 09.09.2026).
24. Supremo Tribunal Federal. Presidente do Supremo apresenta ferramentas de inteligência artificial em Londres [Electronic resource]. 2019. 5 September. URL: <https://portal.stf.jus.br/noticias/verNoticiaDetalhe.asp?idConteudo=422699&ori=1> (accessed: 09.09.2026).
25. Barysè D., Sarel R. Algorithms in the Court: Does It Matter Which Part of the Judicial Decision-Making Is Automated? Artificial Intelligence and Law. 2024. Vol. 32. P. 117–146. DOI: 10.1007/s10506-022-09343-6.
26. Klementyev A. P., Kasatkina A. S. Artificial Intelligence in Justice, Arbitration and the Problem of “Hallucinations”. Legal Issues in the Digital Age. 2026. Vol. 7. No. 2. P. 40–60. DOI: 10.17323/2713-2749.2026.2.40.60.
27. Dahl M., Magesh V., Suzgun M., Ho D. E. Large Legal Fictions: Profiling Legal Hallucinations in Large Language Models. Journal of Legal Analysis. 2024. Vol. 16. No. 1. P. 64–93. DOI: 10.1093/jla/laae003.

28. *Mata v. Avianca, Inc.*, 678 F. Supp. 3d 443 (S.D.N.Y. 2023), No. 22-cv-1461 (PKC), Opinion and Order on Sanctions, 22 June 2023 [Electronic resource]. URL: <https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/new-york/nysdce/1%3A2022cv01461/575368/54/> (accessed: 09.09.2026).
29. *Harber v. Commissioners for His Majesty's Revenue and Customs* [2023] UKFTT 1007 (TC), Case No. TC09010, 4 December 2023 [Electronic resource]. URL: <https://www.bailii.org/uk/cases/UKFTT/TC/2023/TC09010.html> (accessed: 09.09.2026).
30. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 Laying Down Harmonised Rules on Artificial Intelligence and Amending Certain Union Legislative Acts (Artificial Intelligence Act). Official Journal of the European Union. 2024. L 2024/1689. 12 July 2024. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj> (accessed: 09.09.2026).
31. Regulation (EU) 2026/1744 of the European Parliament and of the Council of 8 July 2026 Amending Regulations (EU) 2024/1689, (EU) 2018/1139 and (EU) 2023/1230 as Regards the Simplification of the Implementation of Harmonised Rules on Artificial Intelligence (Digital Omnibus on AI). Official Journal of the European Union. 2026. L 2026/1744. 24 July 2026. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2026/1744/oj> (accessed: 09.09.2026).
32. European Commission for the Efficiency of Justice (CEPEJ). European Ethical Charter on the Use of Artificial Intelligence in Judicial Systems and Their Environment: adopted at the 31st plenary meeting of the CEPEJ, Strasbourg, 3–4 December 2018. Strasbourg: Council of Europe, 2018. URL: <https://rm.coe.int/ethical-charter-en-for-publication4-december-2018/16808f699c> (accessed: 09.09.2026).
33. Lavrentyev A. R., Frolov S. V. Legal Limits of the Use of Artificial Intelligence in Administrative Proceedings. *Administrativnoe pravo i protsess*. 2026. No. 8. P. 71–75. DOI: 10.18572/2071-1166-2026-8-71-75.
34. Chen B. M., Hermstrüwer Y., Langenbach P., Stremitzer A., Tobia K. Mitigating the Judicial Human–AI Fairness Gap. *Journal of Legal Analysis*. 2026. Vol. 18. No. 1. P. 207–242. DOI: 10.1093/jla/laag007.
35. Bentsen H. L., Johannesson M. P. Algorithmic Sentencing and Fairness Perceptions. *Journal of Law & Empirical Analysis*. 2026. OnlineFirst. 4 September 2026. DOI: 10.1177/2755323X261486564.